

Впервые отправляясь с Лю Чжэчжи с горы, Мо Янь подготовился основательно. Он заранее припас изящную шляпу с вуалью и, прежде чем войти в город, надел её на Лю Чжэчжи.

Изнутри она не мешала смотреть на дорогу и людей, но снаружи никто не мог разглядеть лица Лю Чжэчжи, даже то, что на нём была маска.

Лю Чжэчжи не хотел, чтобы его видели. В этом, хоть Мо Янь и не знал, что такое социофобия, их желания совпадали.

Лицо Лю Чжэчжи нельзя было показывать кому попало. С такой красотой все бы тут же слетелись к нему, как мотыльки на пламя.

И тогда вокруг него будет толпиться слишком много народу, все будут посягать на его, Мо Яня, демоническую императрицу. Убивать их всех — замучаешься.

Пусть никто не смотрит. Лучше, чтобы смотрел только он один.

Лю Чжэчжи, конечно, узнал эту диковинку. Он знал, что это вуаль из слёз цзяожэня из Южного моря, где каждая нить соткана из слёз цзяожэней — вещь бесценная. Он также понял, что снаружи его лица не видно, и это позволило ему немного расслабиться, по крайней мере, он не отказывался идти дальше.

Вот только вуаль из слёз цзяожэня обычно использовали для создания защитных артефактов, а делать из неё шляпу было настоящим кощунством.

Лю Чжэчжи считал это расточительством и думал, что Змейка слишком неосторожен. Если бы он спросил, откуда такая вещь, тот бы тут же себя выдал.

Откуда у обычного демонического змея такая драгоценность, как вуаль из слёз цзяожэня?

Эти мысли отвлекли его, и прохожие на улице уже не так сильно его беспокоили. Но ненадолго. Чем дальше они шли, тем больше взглядов привлекали.

Они и вправду слишком выделялись.

Шляпы с вуалью обычно носили женщины. Мужчина в такой шляпе, в белых одеждах, с белыми волосами, казался сошедшим с небес бессмертным. Даже если не видеть его лица, одна лишь стать выдавала в нём неординарную личность.

Такой высокий и стройный, с утонченными манерами, даже кисточка на нефритовом кулоне у него на поясе была особенной — сплетенная из золотых нитей, пропитанных духовной силой, и украшенная алым нефритом. При ходьбе она покачивалась в такт движениям его тонкого, как тростинка, стана, притягивая взгляды.

К тому же рядом с ним шёл красивый мужчина в чёрном, который защищал его, как цепной пёс. Стоило кому-нибудь взглянуть на его спутника, как он тут же бросал в ответ ледяной, предостерегающий взгляд. Такая пара не могла не привлекать внимания.

Мимо них постоянно проходили люди, и даже обогнав, многие оборачивались, чтобы снова посмотреть на них. Социофобия Лю Чжэчжи обострилась до предела, и ему хотелось немедленно вернуться на пик Облачного Бамбука.

Но Мо Янь, используя духовную силу, мягко подталкивал его вперёд. Находясь на улице, Лю Чжэчжи не хотел привлекать ещё больше внимания и не мог сопротивляться с помощью своих техник, поэтому в конце концов он просто ухватился за край одежды Мо Яня.

Мо Янь как раз кипел от злости из-за того, что все пялятся на Лю Чжэчжи, и размышлял, не припугнуть ли их своей аурой, как вдруг почувствовал, что его схватили за одежду, и резко остановился.

— Что такое? — он опустил взгляд на руку Лю Чжэчжи. Тот крепко сжимал его халат, и его тонкие, словно выточенные из нефрита, пальцы, казалось, впились ему прямо в сердце. Странное, необъяснимое чувство зародилось в его душе.

Он был невероятно рад и даже горд.

Столько людей на улице тайком смотрят на Лю Чжэчжи, а он ищет близости только со мной. Что это, если не...

Это он определённо клянётся мне в верности! Пользуется случаем, чтобы признаться в любви, показать, что в его сердце только я, и неважно, кто ещё на него смотрит!

Его воображение, как всегда, разыгралось. Он был уверен, что угадал истину. А поскольку Лю Чжэчжи из-за своей социофобии молчал, лишь качая головой, Мо Янь ещё больше укрепился в своей догадке.

Видите? Он смущается.

Сказать прямо — стесняется, вот и намекает мне каждый день.

Эх, эти праведники такие жеманные. Только я и могу его терпеть. Будь на моём месте кто-то другой, давно бы уже плюнул на эти его признания и стеснения, на эти загадки.

— Мы ведь на улице, столько людей смотрит.

Лю Чжэчжи молчал, но Мо Янь был болтлив. Он наклонился к нему и, понизив голос так, чтобы слышали только они двое, с ехидством прошептал:

— Ты так ко мне льнёшь, все же видят. Не боишься, что твои магистры сект узнают?

Стесняешься сказать, да? А я вот скажу!

Этот его флирт был довольно грубым, и Лю Чжэчжи, конечно, не понял, что это флирт. Услышав, что их могут увидеть, он тут же отпустил его одежду. Его сердце забилося ещё сильнее, он совершенно не знал, как вести себя в такой ситуации.

Находиться в незнакомом месте, в окружении незнакомцев, которые на тебя пялятся, — для социофоба это было пыткой.

Но внешне он оставался невозмутимым. Чем сильнее был его страх, тем более холодным и отстранённым небожителем он казался — недосыгаемым и чуждым мирской суеты.

Когда его одежду отпустили, Мо Янь опешил.

Постойте, я же просто пошутил, поддразнил его. Он что... обиделся?

Это он ляпнул глупость, и это он теперь паниковал. Как только тот его отпустил, он тут же пожалел, но из упрямства не признался в этом. Поколебавшись мгновение, он «нехотя» протянул руку и схватил Лю Чжэчжи за руку.

— Ладно, ладно, держи. Но только за руку, ничего больше.

Ему-то всё равно, а вот мне нет. Если он на улице полезет обниматься и целоваться, и кто-нибудь увидит, меня же подчинённые засмеют.

Так он говорил, так он думал, но рука его действовала решительно. Он не просто взял Лю Чжэчжи за руку, а сжал её так крепко, словно боялся, что тот убежит.

Лю Чжэчжи опустил взгляд на их сплетённые руки. Несмотря на социофобию, он мыслил ясно.

Кажется... я хотел лишь подержаться за его одежду. Я не просил держать меня за руку.

Они стояли близко, их широкие рукава — один чёрный, другой белый — скрывали сплетённые руки. Со стороны казалось, что они просто стоят рядом.

Но Лю Чжэчжи отчётливо чувствовал, как большая, тёплая рука Змейки сжимает его ладонь. Хоть тот и не сказал ни слова, этот жест успокаивал его, давая понять, что он не один на этой улице, что рядом его Змейка.

Чувство безопасности — он никогда раньше его не испытывал, никто ему его не давал. Это было что-то эфемерное, о чём он даже не думал. Но сегодня это слово вдруг всплыло у него в голове.

Когда Змейка держал его за руку, его социофобия не исчезала, но это приносило какое-то смутное успокоение и уверенность.

Со Змейкой, казалось, было не так страшно.

Змейка будет говорить за него, будет держать его за руку. Пусть и нехотя, но будет. Его хороший, послушный Змейка.

Теперь... он был не один.

На душе стало немного светлее. Лю Чжэчжи, сжав губы, постарался не обращать внимания на взгляды прохожих и в ответ сжал руку, державшую его.

Мо Янь замер.

Вот, вот, что я говорил!

Он просто стесняется, ему нужно, чтобы я сделал первый шаг. А как только я это сделал, он так обрадовался, что вцепился в меня и не отпускает!

Эх, какой интриган.

Неважно, кто что думал, но они, к обоюдному удовольствию, так и пошли дальше, держась за руки, по самой оживлённой улице города.

И в Царстве Демонов, и в мире людей торговцы чаще всего продавали еду. Хоть этот городок и находился рядом с Сектой Цянькунь, сюда каждый день стекалось множество паломников, среди которых были и те, кто ещё не достиг стадии, позволяющей обходиться без пищи. Поэтому еды здесь было в изобилии.

— Посмотри на еду, что продают по сторонам, — сказал Мо Янь, указывая на уличные лотки.

Многие продавали горячие, только что приготовленные закуски. Лю Чжэчжи никогда не бывал

в таких местах, за пятьсот лет он ни разу не видел ничего подобного. Он всё время посвящал самосовершенствованию, и сегодня, увидев всё это, на мгновение растерялся.

До того, как он попал в этот мир, он не был заклинателем и, конечно, ел обычную еду.

Но сейчас, вспоминая об этом, он понимал, что прошло слишком много времени. Годы аскезы и отказа от пищи сделали своё дело. Глядя на эти яства, он смутно узнавал некоторые, но не мог вспомнить их вкус.

Впрочем, ему и не было любопытно. Он лишь скользнул по ним взглядом и отвернулся, не выказав ни малейшего интереса.

Чревоугодие — порок. Путь самосовершенствования — это путь очищения духа. Если поддастся желанию, можно породить демона сердца.

— Эй? Я же тебе показываю, смотри, — Мо Янь был озадачен его жестом, в котором сквозило лёгкое пренебрежение. — Это всё съедобное, чистое, не грязное. Посмотри, может, тебе что-нибудь захочется.

Лю Чжэчжи посмотрел на дымящиеся закуски, потом на него, и молча покачал головой.

Съедобное-то съедобное, но он это есть не будет. Отказ от пищи — значит, отказ от пищи. Нельзя поддаваться искушению.

Мо Янь опешил.

— Да ладно, раз уж пришли, попробуй. Столько всего, наверняка найдётся что-то по твоему вкусу.

Лю Чжэчжи снова покачал головой.

— Ты...

Какой же он упрямый!

Мо Янь, поняв, что уговорами его не взять, решил действовать силой. Он потащил его к лотку.

— А ну-ка иди сюда и ешь! Что случится, если попробуешь? Умрёшь, что ли? Сил и так нет, какой, к чёрту, отказ от пищи!

— Змейка...

Лю Чжэчжи нахмурился и, наконец, заговорил. Его голос был тихим, но полным сопротивления.

— Чревоугодие — порок. Отсутствие сил не отменяет аскезы. Я... ух!

Какая-то сладость оказалась у него во рту, прервав его речь.

Лю Чжэчжи на мгновение замер, собираясь выплюнуть её, но чья-то рука коснулась его чувствительного места на пояснице, недвусмысленно угрожая.

— Не смей выплёвывать. Съешь, попробуй. Если не понравится, тогда выплюнешь.

Мо Янь смотрел на него, не отводя взгляда, решив во что бы то ни стало заставить его съесть.

Лю Чжэчжи не хотел, но выбора у него не было. В конце концов он прожевал то, что было у него во рту, и распробовал вкус.

Сладкое, но не приторное, очень нежное и мягкое.

Увидев, что он проглотил, а не выплюнул, Мо Янь не смог сдержать улыбки.

— Вкусно, правда? Это сладкое пирожное из лotosового крахмала. А теперь попробуй вот это, пирожное с османтусом.

С этими словами он поднёс к его рту ещё один кусочек и, бросив торговцу духовный камень, велел завернуть пирожные.

Лю Чжэчжи колебался. Когда ему в рот положили пирожное с османтусом, он помедлил, прежде чем съесть. Но как только тонкий аромат османтуса наполнил его рот, а сладкий вкус коснулся языка, его глаза невольно заблестели.

— И это тоже вкусно, да? — Мо Янь был вне себя от гордости. Он достал ещё один духовный камень и бросил торговцу. — Пирожные с османтусом тоже все заверни, и те, из лотоса, тоже. Все беру.

Затем он с улыбкой подмигнул Лю Чжэчжи.

— Я же тебе плохого не посоветую. Конечно, всё вкусное. Купим всё, будешь потихоньку есть. А есть ещё много всего, давай пробуем.

Так он и водил Лю Чжэчжи по всей улице, пробуя все сладости. Он брал по кусочку, сначала

кормил его, а потом смотрел на его реакцию.

Если тот проглатывал сразу — значит, вкусно. Если немного медлил — значит, не очень нравится. А если откусывал и замирал — значит, невкусно.

Лю Чжэчжи не произнёс ни слова, но Мо Янь безошибочно определил, что ему нравится, а что нет, и скупил всё, что ему понравилось.

Когда они прошли всю улицу, Мо Янь потратил кучу духовных камней, а его пространственное кольцо было забито всевозможными сладостями и закусками. Он собирался повести Лю Чжэчжи в ресторан, чтобы тот попробовал изысканные вина и блюда, но тут увидел торговца с танхулу и потащил его за собой.

Сам он их не любил. Попробовал в детстве, показалось кисло, и с тех пор больше не ел. Но сегодня он твёрдо решил, что Лю Чжэчжи должен попробовать всё, поэтому не упустил и этой сладости. Он купил одну палочку и поднёс её ко рту Лю Чжэчжи.

— Это немного кислое, откуси чуть-чуть, немного.

Лю Чжэчжи поверил ему и откусил маленький кусочек. Кисло-сладкий вкус ему понравился. Проглотив, он снова уставился на танхулу.

Судя по его реакции, ему понравилось. Мо Янь не совсем понимал его вкусы.

Сладкие цукаты и пирожные любит, но почему ему понравился и этот кислый танхулу?

Он же такой кислый, невкусный.

Он скупил все танхулу. Видя, как блестят глаза Лю Чжэчжи, которому, похоже, эта сладость понравилась больше других, ему самому стало любопытно.

Неужели так вкусно?

Он не ел их уже несколько сотен лет и был уверен, что не любит их. Но почему-то вдруг захотелось попробовать. Он откусил от той же ягоды, от которой откусил Лю Чжэчжи.

Всё так же кисло, но... почему-то и сладко?

Мо Янь ел и смотрел на танхулу, а потом перевёл взгляд на приоткрытые алые губы Лю Чжэчжи.

Может... всё, что он попробует, становится слаще?

— Съешь ещё одну?

Чтобы проверить свою догадку, Мо Янь поднёс к его рту ещё одну ягоду, позволил ему откусить половину, а вторую съел сам.

И убедился, что был прав. Стало слаще, и даже вкусно.

Праведные бессмертные, они такие. У них даже такие способности есть.

Так он думал про себя. Лю Чжэчжи, который, конечно, не обладал никакими подобными способностями, с недоумением смотрел на его действия и, наконец, не выдержав, тихо произнёс:

— Змейка, это... я уже ел.

Делить с кем-то еду было неприлично, а Змейка ел то, что осталось после него. Это... что же это такое...

Он не знал, что такое «одержимость», а Мо Янь не считал своё поведение чем-то из ряда вон выходящим. Он был уверен, что это Лю Чжэчжи сделал танхулу сладким, и, услышав его слова, с вызовом ответил:

— Я за это духовные камни платил, почему мне нельзя попробовать? То, что ты ел, такое драгоценное, что мне и прикоснуться нельзя?

Ты сам весь мой, а из-за какой-то сладости мелочишься. Бессердечный!

<http://bllate.org/book/16980/1595680>